

ПЕТРОВСКИЕ «ВЕДОМОСТИ» КАК ТИП ИЗДАНИЯ

Первопечатная русская газета «Ведомости» выходила без малого четверть века — с декабря 1702 по июль 1727 г. Публикации о газете дореволюционных ученых — русских и зарубежных — за редким исключением носили описательный характер, тем не менее отказывали русскому периодическому органу в самостоятельности: считалось, что он слепо перепечатывал материалы из европейских газет, общественная функция его практически равнялась нулю.¹ Советские ученые доказали тезис о неизбежности и обусловленности появления «Ведомостей», обосновали утверждение об их пропагандистском характере.² И все же принципиально важный вопрос о том, были ли «Ведомости» газетой, остается до сих пор открытым, вернее, решенным лишь наполовину. Без сомнения, существуют самоочевидные и научно доказанные факты: «Ведомости» были печатными, им предшествовали рукописные «вести-куранты», они обладали определенной периодичностью и довольно высоким тиражом, содержали разнообразный материал о событиях в стране и за рубежом, пытались воздействовать на общественное мнение. Этот ряд признаков позволяет отнести данный вид печатной продукции Петровского времени к разряду газет. А что же дальше?

А дальше начинается «запретная зона», которая прорывается в публикациях в виде оговорок и замечаний в скобках и которая,

¹ См.: *Балицкий Г. В.* Зарождение периодической печати в России // ЖМНП. 1908. № 9. С. 1—76; *Каллаш В. В.* Очерки по истории русской журналистики: (К 200-летию нашей периодической печати). М., 1903; *Покровский А. А.* К истории газеты в России // «Ведомости» времени Петра Великого. М., 1906. Вып. 2. С. 3—98; *Якушкин В. Е.* Петровские «Ведомости». — Русские ведомости. 1903. № 2, 2 янв.; *Fabricius A.* Zur Geschichte der Russischen Postwesen. Riga, 1865; *Czarnowski St.* Literatura perjodyczna i jej rozwój. Kraków, 1892—1895. Cz. 1—2.

² *Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952; *Западов А. В.* Первая русская газета // Русская журналистика XVIII века. М., 1964. С. 3—19; *Рейсер С. А.* «Книги политические, которые продаются в Гаге» // *Быкова Т. А., Гуревич М. М.* Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 гг. М.; Л., 1955. Прил. VII. С. 541—563; *Сахаров Л. М.* Исторические условия возникновения первой русской печатной газеты и ее значение // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской. 1964. Т. 148, вып. 10. С. 350—378; *Томсинский С. М.* Первая печатная газета России: (1702—1727). Пермь, 1959; *Черепанов М. С.* Возникновение периодической печати в России. Изд-во МГУ, 1955.

как это ни парадоксально, является господствующей в формировании выводов. Исследователь, знакомящийся с «Ведомостями» впервые или желающий изучить газету «в общем и целом» сразу за 25 лет издания (этой беглостью и грешат многие историки журналистики), начинает перелистывать годовые комплекты газеты и сталкивается с массой явлений, которые на глазах оформляются в систему, и их суть можно выразить лишь одним словом — *непостоянство*.

1) Газета не имела постоянного *заголовка*. Чаще всего это — «Ведомости», как и предписывалось в указе царя от 16 декабря 1702 г.³ Но нередко встречается название «Ведомость», а с 1725 г. — «Российские ведомости», «Санктпетербургские ведомости». Если собрать все номера с этими заголовками, то они составят лишь 85 % от общего числа публикаций, которые относят к газете. 2) *Формат* первенца русской периодики был почти самым маленьким в Европе — так называемая «осьмушка» (не более 10 × 15 см). Некоторые номера имели формат в два, четыре и даже в восемь раз больше, печатались с одной стороны листа. 3) Если *объем* номера большинства европейских газет составлял 8 или 12 страниц, то у русской газеты он колебался от 1 до 48. 4) Разным был даже *шрифт*: до февраля 1710 г. газета набиралась церковно-славянскими, или «библейными», литерами, а с этого времени — «гражданскими» и «библейными» попеременно. С 1715 г. в ходу был исключительно «новоизобретенный» шрифт. 5) С 1711 г. для оформления газеты было парезано 14 гравюр-заставок и их копий, различных по размеру, содержанию, качеству исполнения. 6) Тираж также не был установленным раз и навсегда, а изменялся в диапазоне от 30 экземпляров до 4000. 7) *Периодичность* газеты в первые 3 года относительно стабильна — 3—4 выпуска в месяц (в Западной Европе в то время газеты выходили регулярно один или два раза в неделю, например по субботам или по вторникам и субботам, что было связано с работой почты). Позднее «Ведомости» выходили с частотой от одного выпуска в месяц до одного выпуска в год. Были отклонения и в другую сторону. В декабре 1722 г. газета выходила практически через день (!); по 3 раза в неделю — в августе 1719 г., феврале, мае и июне 1720 г., ноябре 1722 г., сентябре 1725 г.; 2 раза в неделю — в мае 1711 г., октябре и декабре 1719 г., августе 1720 г. и т. п. 8) Не было определенного *места издания*. Сначала «Ведомости» печатались в Москве, с 1711 г. — в Москве и Санкт-Петербурге, с 1714 г. — только в новой столице (с перепечаткой отдельных номеров в Москве). В 1722 г. газета вновь переносится в старую столицу, а осенью 1723 г. возвращается на берега Невы. 9) В связи с непостоянством объема номеров различной была и их *цена*. 10) Не имели выпуски порой и строгой *нумерации*. Например, 35 из них вышли с заглавием «Ведомости», но без порядкового номера (кстати, это можно

³ Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 4. С. 201, № 1921.

сказать практически о каждом десятом оттиске газеты). Но самый трудный вопрос для многих исследователей — наличие в годовых комплектах «Реляций»: 36 из них пронумерованы вперемежку с «Ведомостями» и считаются, естественно, выпусками газеты, хотя иногда имеют отличный от них формат, а около двух десятков «Реляций» не имеют порядковых номеров (такой выпуск может ничем не отличаться, кроме заглавия, от остальных, но по дате публикации занимать промежуточное положение, например между № 24 и № 25 «Ведомостей» за 1725 г.).⁴

Данный ряд можно продолжить примерами менее значительными, но входящими в эту же «систему непостоянства», которая вызывает разногласия при оценке качества «Ведомостей» как газеты. Именно эта сложность первенца русской периодики, его «неправильность», непохожесть ни на одну отдельно взятую европейскую газету того времени, заставляет историков печати обходиться только общими фразами и кочующими цитатами. Здесь же коренится объяснение и того факта, что до сих пор система жанров петровского издания не до конца изучена и уточнена, авторы публикаций пользуются каждый своей терминологией или же ограничиваются двумя-тремя названиями жанров.

Таким образом, внешняя гетерогенность газеты привела к тому, что в достаточной степени разработан только тезис об исторической обусловленности возникновения в России печатного периодического органа. Собственно, единственным выводом новейших историков печати, видимо, следует считать формулировку П. Н. Беркова: «Нельзя забывать, что „Ведомости“ < . . . > не могут быть сравниваемы с более поздними органами прессы». ⁵ Как мы видели, их нелегко сравнивать и с европейской периодикой первой трети XVIII в. Поэтому и остался в тени вопрос: *какой* именно газетой были «Ведомости» и самое главное — *почему* именно такой газетой?

Несмотря на упомянутое замечание П. Н. Беркова, современные публикации по данной тематике содержат известную долю модернизации, поскольку почти все авторы пишут о «Ведомостях» с современных позиций (о жанрах, сотрудниках редакции, читателях). Нынешние понятия «накладываются» на XVIII в.: то, что подходит под этот трафарет, характеризуется как положительное в «Ведомостях», а то, что не подходит, трактуется упрощенно, без детального анализа.

При восприятии отдаленного от нас временной или эстетической дистанцией произведения «всегда известную трудность представляет начальный момент этого восприятия, когда воспринимающий должен найти к нему „стилистический ключ“». ⁶ Если

⁴ В учетных книгах Московской и Петербургской типографий напечатанные «Ведомости» и «Реляции» указываются то порознь, то вместе.

⁵ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. С. 51.

⁶ Лихачев Д. С. Система стилевых взаимоотношений в истории европейского искусства и место в ней русского XVIII века // XVIII век. Л., 1975. Сб. 10. С. 7.

объект наблюдения слишком сложен, то этот «ключ» поможет не только определить уже знакомый стиль, но и идти «по линии переключения от стиля к стилю». ⁷ Это положение академика Д. С. Лихачева очень важно при изучении «Ведомостей», так как он сам указывает, что в XVIII в. совершается переход от моностилевой системы в литературе к полистилистической. ⁸ О существовании в начале XVIII в. различных стилистических систем в состоянии взаимопроникновения писал и И. П. Еремин. ⁹

Газета Петровской поры — эпохи активного формирования нации и национального литературного языка — не могла не отразить явлений, характерных и для газеты, и для литературы в целом. Поэтому целесообразнее рассматривать «Ведомости» не как замкнутую систему (эти попытки не привели и не могли привести к успеху, так как предлагали объяснения вместо поиска причин), а как составную часть русской литературы и шире — культуры.

Специалисты считают, что эпоха Петра I — это период перехода от древнерусской литературы к новой, и определяют его как время русского барокко, которое органично входит в культуру барокко Центральной и Восточной Европы (XVII—XVIII вв.). Упомянувшиеся выше особенности первой русской газеты позволяют пополнить ряд свидетельств о влиянии этого направления в европейском искусстве и литературе на культуру России в первой трети XVIII в. ¹⁰

Западное влияние осуществлялось через литературу-посредника. Для первого десятилетия XVIII в. роль польского языка еще очень велика. ¹¹

⁷ Там же. С. 8.

⁸ Там же. С. 10.

⁹ См.: Еремин И. П. Русская литература и ее язык на рубеже XVII—XVIII веков // Начальный этап формирования русского национального языка. Изд-во ЛГУ, 1961. С. 12—21.

¹⁰ Прав был Д. М. Шарышкин, когда писал, что в эпоху барокко соотношение между деловой, документальной и художественной прозой было иным, и книга, иллюстрированная или просто украшенная виньетками, рассматривалась как произведение искусства (см.: Шарышкин Д. М. Шведская тема в русской литературе Петровской поры // Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы. Л., 1980. С. 18; интересные наблюдения см. также: Морозов А. А. Эмблематика барокко в литературе и искусстве Петровского времени // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. С. 184—226). Как в этой связи не вспомнить графическое оформление «Ведомостей»: поначалу «библейный» шрифт и книжные концовки, с 1710 г. — новый, «гражданский» набор, с 1711 г. — гравюры-заставки с аллегорическим содержанием и т. п.

¹¹ См.: История лексики русского литературного языка конца XVII—начала XIX века / Под ред. Ф. П. Филина. М., 1981. С. 59—62; Лихачев Д. С. 1) Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 11—13; 2) Своеобразие исторического пути русской литературы X—XVII веков // Литература и социология: Сб. статей. М., 1977. С. 87, 102, 129; Голенищев-Кутузов И. Н. Славянские литературы: Статьи и исследования. М., 1973. С. 215; Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903. С. 47—51; Кожин В. В. К социологии русской литературы XVIII—XIX веков: (Проблема литературных направлений) // Литература и социология: Сб. статей. С. 149.

Проблема инославянского (преимущественно польского) влияния на русскую культуру в XVII—начале XVIII в. заставляет нас более пристально присмотреться к истории развития периодической литературы Польши. Разработки польских историков печати ценны в том плане, что они касаются проблем рукописных газет, «летучих листков» и т. п., которые получили широкое распространение в Польше в XV—XVII вв. и являются важным звеном в истории развития газеты. По работам польских исследователей журналистики прослеживается процесс становления газеты, ведущей свою родословную от обыкновенного письма. Остановимся лишь на узловых моментах, минуя детали.

На основе частных писем возникли рукописные газеты, которые уже в самом начале отличались от писем «прежде всего периодичностью».¹² В них отсутствовала также смысловая связь между корреспондентом и адресатом, «они принимали черты анонимности».¹³ А. Булувна отмечает, что рукописная газета сходна с письмом лишь формально и «отличается от него существенными элементами: содержанием, внутренней структурой, а также общественной функцией».¹⁴ С появлением типографского станка возникли печатные «летучие листки». Это были написанные прозой, рифмованные, представленные в виде диалогов или насыщенных од листки политического, религиозного или сенсационного характера, содержащие материалы на внутренние и зарубежные темы.¹⁵ С течением времени подобные «летучие листки», или «эфмериды», становятся все более похожими на периодическое издание. Наконец, появляется печатная «фактографическая» газета.¹⁶ Вышеизложенное схематически выражается так: **письма—рукописные газеты—печатные «эфмериды»—печатные газеты.**

По другой ветви шел рост полемичности, памфлетности в рукописных, а затем печатных «летучих листках», что в итоге привело к возникновению общественно-политического, сатирического и научного журнала. По этому вопросу мы коснемся лишь частично. Схема отражает только основные этапы в возникновении газеты.

¹² *Kaleta R.* Teodor Ostrowski, «Poufne wieści z oświeczonej Warszawy»: *Gazetki pisane z roku 1782.* Wrocław etc., 1972. S. 8.

¹³ *Biuletyn Komitetu 300-lecia Prasy polskiej: 1661—1961.* Warszawa, 1961. N 41. S. 4.

¹⁴ *Butówna A., Szczepaniec J.* Katalog gazet pisanych z XVIII wieku w zbiorach Biblioteki Zakładu Narodowego im. Ossolińskich. Warszawa etc., 1969. S. 55.

¹⁵ *Górski St.* Dziennikarstwo polskie. Warszawa, 1905. S. 10; *Zawadzki K.* Szesnastowieczne gazety ulotne polskie i Polski dotyczące // *Rocznik Historii Czasopiśmiennictwa Polskiego.* 1972. T. 11. Z. 1. S. 5—37; *Biuletyn.* . . S. 3; *Kętrzyński W.* Gazeta polska z początku XVIII wieku: (Początek Królewiecka 1718—1720) // *Przewodnik naukowy i literacki.* Lwów, 1880. S. 184—192; *Łojek J.* Zarys historii prasy polskiej w latach 1661—1831. Warszawa, 1972. S. 5—7; *Młynarski Z.* Zarys historii prasy polskiej. Łódź; Warszawa, 1956. Cz. 1. S. 4.

¹⁶ См.: *Biuletyn.* . . S. 6; *Łojek J.* Zarys historii. . . S. 11. О развитии газеты из письма см. также: *Бюхер К.* Зачатки периодической печати // *Возникновение народного хозяйства.* СПб., 1912. С. 157—176.

Рукописные газетки и печатные «эфмериды», как известно, продолжали существовать еще около 200 лет после появления первой печатной еженедельной газеты.

На базе письма возникли в XV—XVII вв. также и *реляции*, преимущественно военные. Конрад Завадский выделяет письма и реляции как наиболее распространенные формы «летучих листов» XVI в. По содержанию эти «эфмериды» подразделяются на четыре наиболее заметные группы: военные дела, особа короля и королевская семья, дела политико-религиозные, сенсационные сообщения.¹⁷ Не следует отождествлять «летучий листок» с реляцией, так как первое представляет собой вид печатной продукции, а второе — лишь форму ее. По этой же причине не является реляция и жанром (например, жанр фельетона может проявиться и в форме интервью, делового документа, стихотворения и т. п.). Реляция — это официальный документ, первоосновой которого является письмо. Поэтому в ней сочетаются элементы разговорной речи и официального (делового) языка.¹⁸ Забегая вперед, отметим, что в свете этих данных заметна генетическая связь «Ведомостей» с «эфмеридами» в Польше XVI—XVII вв.: та же военная тема, эпизоды из жизни коронованных особ (это присуще и всей западной прессе того времени). Однако заметны и отличия: политико-религиозные сообщения встречаются реже, сенсационные — тем более. К тому же газета выходит не только по случаю важного или необычного события (есть, кстати, и такие) и включает в себе не одно-два, а десять-двадцать сообщений, имеет больший объем. Но остались в «Ведомостях» письма и реляции как дань объективным законам развития периодики и заимствованного опыта литературы славянского соседа. Частично это отразилось еще в рукописных «вестях-курантах» XVII в., составлявшихся для царя и бояр. Важно отметить, что многие письма в русской газете принимали уже вид заметок, реляции печатались и отдельно, и включались в состав «Ведомостей», нумеровались, снабжались гравюрой-заставкой. Иногда в Москве выходила «Ведомость», а в Петербурге этот же номер имел заглавие «Реляция» (1711), порою бывало и наоборот (1713).

Письмо стало исходным пунктом не только для информации или реляции. Установлено, что письмо дало начало в России XVII в. различным «видениям», посланиям, сказаниям, «отпискам», «подметным письмам». «Роль эпистолярных жанров как формы публицистики чрезвычайно возрастает во второй половине XVII в.», — указывает А. С. Елеонская.¹⁹ К эпистолярной публицистике тесно примыкает и устная публицистика — речи, проповеди (с одной стороны, протопоп Аввакум, с другой — Симеон Полоцкий, позже Стефан Яворский и Феофан Прокопович).

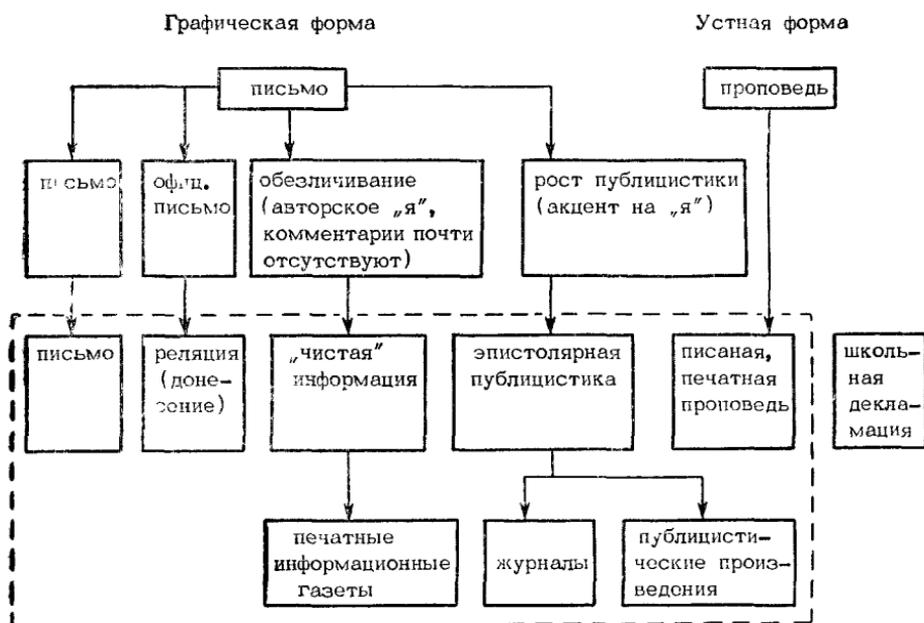
¹⁷ См.: *Zawadzki K. Szestnastowieczne gazety ulotne polskie. . .* S. 18—20.

¹⁸ См.: *Kaletka R. Teodor Ostrowski, «Poufne wieści z oświeconej Warszawy».* S. 8—9.

¹⁹ *Елеонская А. С. Русская публицистика второй половины XVII века.* М., 1978. С. 11.

Все исследователи «Ведомостей» отмечают, что в газете публиковалось много писем царя, донесений русских дипломатов, реляций военачальников; тем самым авторы, даже безапелляционно причисляющие «Ведомости» к чисто информационным органам, помимо своего желания утверждают наличие в газете и некоторой публицистичности — письма ведь писали конкретные люди и отправляли их конкретным лицам. Русской эпистолярной публицистике XVII в. созвучна и европейская «летучая» печатная продукция — листовки, брошюры, плакаты научно-полемического и памфлетного содержания. Вполне естественно, что первые научные журналы XVII—начала XVIII в. имели архаические черты, унаследованные именно от газет.²⁰ В России до журналов было еще далеко, но форма полемической «перестрелки» была знакома еще с XVI в. «Вести-куранты», составившиеся в Посольском приказе вплоть до 1701 г., через перевод или пересказ зарубежных оригиналов отражали состояние иностранной периодики, а «такие виды сообщений, как письма, трактаты и памфлеты были обычными в иностранных газетах XVII в.»²¹

Теперь мы можем объединить оба направления развития письма в XV—XVII вв. и выразить это схемой:



²⁰ Маркушевич А. И. Сосуществование печатных и рукописных материалов в процессе развития науки // Рукописная и печатная книга. М., 1975. С. 51—66.

²¹ Вести-куранты: 1600—1639 гг. / Под ред. С. И. Коткова. М., 1972. С. 3. См. также: Lankau J. Prasa staropolska na tle rozwoju prasy w Europie: 1513—1729. Kraków, 1960.

Пунктиром выделены те источники, которые в начале XVIII в. могли быть использованы при создании «Ведомостей» Для полноты представления о языковом пласте русской первопечатной газеты необходимо) добавить следующее В Петровскую эпоху намного усиливается процесс разрушения диглоссии (сосуществования языков церковнославянского и древнерусского), происходит ломка и взаимодействие соответствующих жанровых систем. Славянизмы проникают в эпистолярную, публицистическую, научную, переводную литературу. Эти же сферы все больше обслуживает и язык деловой письменности, а также заимствованная лексика. Слова народной речи (в том числе и экспрессивные) нередки в мемуарной, переводной литературе, указах и официальных письмах, ораторской речи.²² Количество новых жанров резко увеличивается за счет введения в литературу форм деловой письменности, фольклора, опыта переводной литературы.²³ Элементы различных языковых систем все чаще смешиваются в пределах одного произведения, а значит, есть возможность подобного смешения и в пределах одного жанра. Этим и объясняется в «Ведомостях» разнородность лексики не только в крупных материалах, но даже в хроникальных сообщениях, состоящих всего из 3—4 строк.

Анализ текстов «Ведомостей» за 1702—1727 гг. полностью подтверждает правомерность составленной нами схемы, хотя она и не претендует на завершенность. Мы уже можем по крайней мере объяснить, случайны ли в газете письма Петра I и русских дипломатов, реляции военачальников, «вдруг» ли появляются на страницах газеты пересказ проповеди митрополита Стефана Яворского и небольшие заметки о подобных же проповедях (1719. № 2, 5; 1721. № 7 и др.). Можем также найти обоснование формы «открытого письма» у международного фельетона (1720. № 50) и формы «книжного списка» у памфлета (1723. № 3). Влиянием инославянской, в основном польской, культуры (и как источника, и как посредника) объясняется в значительной мере и эклектичность первой русской газеты, т. е. сочетание черт собственно газеты и «эфмерид», которых в русском печатном опыте не было.²⁴

За последние 35 лет предпринимались попытки обнаружить в «Ведомостях» материалы, которые можно было бы отнести к определенному газетному жанру. Например, утверждали, что в газете первой четверти XVIII в. происходило зарождение таких жанров, как «заметка, статья, отчет, военная реляция, очерк,

²² См.: История лексики русского литературного языка. . . С. 31—40.

²³ См.: Лихачев Д. С. 1) Поэтика древнерусской литературы. С. 56—108; 2) Своеобразие исторического пути русской литературы X—XVII веков. С. 115—123.

²⁴ Если быть точным, то печатные «эфмериды» развивались в России параллельно с газетой. Но явление это резко отличается от европейского образца — обладает меньшей стихийностью, массовостью, количеством мест издания, т. е. собственно «летучестью».

фельетон, библиография».²⁵ В этом ряду почему-то отсутствуют самые мелкие «кирпичики» газетного жанрового состава — хроника и информация, в которых газете не отказывали дореволюционные исследователи. «Библиография» — это не жанр, а вспомогательная литературоведческая наука. Не существует и такого газетного жанра, как «военная реляция». Реляция не зародилась в газете, а издавна существовала как документ.²⁶

А. В. Западов справедливо указывает, что газетные жанры «только зарождались в массе информационных заметок „Ведомостей“, однако их будущие контуры удается кое-где уловить».²⁷ С. М. Томсинский оперирует такими категориями: сообщения, проповедь-аннотация, своеобразная статья, большой материал до 300 строк текста, военный обзор, статья-памфлет, «занимательный материал, призванный развеселить читателя».²⁸

Большинство современных историков печати все же единодушны в том, что материалы «Ведомостей» — это в основном информационные заметки и что «образцы публицистики <...> лежат еще за пределами газеты».²⁹ Б. И. Есин добавлял: «Среди информационных заметок <...> иногда блеснет ирония, полемическая фраза или дифирамб царю».³⁰

А. И. Станько в очень обтекаемой форме говорит о проявлении «тенденций к отпочкованию» почти всех ныне существующих газетных жанров, о присутствии в «Ведомостях» публицистики, умудряясь при этом не привести ни одного доказательства. И в то же время автор утверждает, что петровская газета была информационной и в ней преобладала заметка.³¹

Все исследователи без исключения не определяют того критерия, которым они пользовались при жанровой дефиниции материалов газеты. Именно отсутствием критерия информационности и публицистичности можно объяснить разногласия по данному предмету.

Выше мы установили, в чем же заключалась сложность газеты, из каких источников черпали «Ведомости» сведения. Поэтому теперь намного легче определить и критерий оценки жанрового

²⁵ Сборник материалов к изучению истории русской журналистики XVIII века / Под ред. Б. П. Козьмина. М., 1952. С. 37. См. также: *Соболев В. П.* Возникновение периодической печати в России и развитие русской журналистики XVIII века. М., 1957. С. 10, 13, 14.

²⁶ Именно это дало повод П. Н. Беркову написать: «В „Ведомостях“ следует различать два основных типа материалов: информационные сообщения и официальные документы — реляции, речи и т. п.» (*Берков П. Н.* История русской журналистики XVIII века. С. 50).

²⁷ *Западов А. В.* «Ведомости» // История русской журналистики XVIII—XIX веков. М., 1973. С. 19.

²⁸ *Томсинский С. М.* Первая печатная газета России. С. 60, 61, 40, 158, 75.

²⁹ *Западов А. В.* Первая русская газета. С. 16.

³⁰ *Есин Б. И.* Русская дореволюционная газета: 1702—1917 гг.: Краткий очерк. М., 1971. С. 12.

³¹ *Станько А. И.* Русская периодическая печать XVIII века. Изд-во Ростовского ун-та, 1979. С. 78—82.

состава публикаций газеты. Уже по характеру источников можно предположить, что «идеальная информация» вряд ли будет преобладать в «Ведомостях».

При определении жанров мы будем придерживаться установок польского теоретика печати И. Тетелёвской. Ее «концепция зависимости функции от структуры высказывания и возможность расшифровки последнего по определенной, данной структуре» кратко состоит в следующем. Материалы различных жанров выполняют 5 функций: сообщения (информация), понятийного представления (материалы научные, научно-популярные), представления-воображения (репортаж), воздействия (публицистическая статья), выражения, или изображения (фельетон).³² Здесь можно, конечно, поспорить насчет определений, но наиболее ценным нам представляется положение исследовательницы о том, что «каждое журналистское высказывание выполняет две, три, а может быть, и больше из указанных функций. Однако всегда одна из них является доминирующей, и она-то, собственно, позволяет различить и классифицировать определяемое ею высказывание».³³ Поэтому чистой информацией (имеется в виду информация как жанр) И. Тетелёвская считает такую, которая имеет самый короткий комментарий автора. В чистой информации целевая установка выражена, в основном, подбором и расстановкой фактов. Исследовательница выделяет также беллетризованную и комментированную информацию (в зависимости от объема комментария). Взаимосвязь структуры сообщений и выполняемых ими функций поможет нам при изучении текстов «Ведомостей» определить степень их публицистичности. Таким образом, публицистическими материалами для нас будут такие, которые имеют обширный комментарий, рассуждения и определяемые логическими доводами доказательства.

В определении информационных и публицистических жанров газеты и их элементов мы используем в совокупности следующие положения: 1) печатные «летучие листки» обычно сочетали в себе элементы, типичные для двух и более тематических групп (К. Завадский); 2) журналистский материал выполняет две, три и больше функций, но доминирующей, как правило, является одна из них (И. Тетелёвская); 3) крупные жанры могут включать первичные в определенной пропорции, но при этом почти всегда первичные жанры подчиняются идейной направленности всего произведения (Д. С. Лихачев). Изложим выводы, сложившиеся в результате анализа номеров газеты за 25 лет ее существования.

Петровская газета, как заимствованная форма литературы, уже в силу своей специфики должна была реагировать на изменения своего времени немного быстрее, чем любое отдельное произведение, — реагировать содержанием, системой жанров, направленностью. Наметились сдвиги в положении России среди европей-

³² *Tetelowska I. Szkice prasoznawcze. Kraków, 1972. S. 153—154.*

³³ *Ibid. S. 155.*

ских государств, появились новые задачи — изменяется и система жанров. Возникновение этой системы и ее обособление в древнерусской письменности началось еще в «вестях-курантах». Однако опыт «курантов» и соседних литератур потенциально обладал бóльшим разнообразием, чем это использовали на первых порах «Ведомости». Здесь сказалась и избирательность газеты по отношению к своему и главное чужому опыту (иными словами, фрагментарность, ограниченность влияния), и обусловленность этого выбора конкретными социально-политическими ситуациями в России и Европе первой трети XVIII в.

В 1702—1707 гг. в газете преобладают *хроника, информация, заметка*. Интересно отметить, что многие заметки тяготеют к событийному *репортажу* — в них дается зримая картинка, о действиях русской армии повествуется в 3-м лице, но обязательно с местоимением «наш»: «наши переправились», «наши разбили» (что позже в репортаже превратится в авторское «мы», «я»).

Хроники исчезают из газеты в 1708—1709 гг., когда русские солдаты и партизаны вели бои на своей территории. Преобладает заметка, сохраняющая в некоторых случаях репортажность, но о гуманности к шведам, как это делалось прежде, уже не упоминается.

В 1710—1713 гг. жанр хроники (в основном зарубежной) возвращается на страницы «Ведомостей». В заметке же намечается тяготение к корреспонденции. Если раньше о жестокостях русских воинов по отношению к неприятелю сообщалось извиняющимся, оправдывающимся тоном, то теперь, после Полтавы, комментарий в заметках становится более обширным, аналитическим, объясняются причины тех или иных действий русской армии, обосновывается правомерность решений русского командования. Материал 15-го номера газеты за 1710 г., озаглавленный «О взятии Выборга», можно без оговорок назвать корреспонденцией. В этом же году появляется *объявление* о книгах — «Реестр книгам гражданским» (хотя некоторые исследователи склонны считать его библиографическим обзором).

Следующее пятилетие (1714—1718 гг.) характерно тем, что из газеты исчезают и хроника, и информация зарубежного происхождения, подавляющее большинство материалов представляет собой заметки от русских военачальников и послов в Дании, Голландии, в империи Габсбургов. В это время именно на территории Дании, Померании, Пруссии и в Балтийском море решался вопрос о том, как скоро закончится Северная война. Россия занимает выжидательную позицию, делает ставку на истощение шведской экономики длительной войной и пытается заключить мир дипломатическим путем. Поэтому газетные заметки (не аналитического плана, но побуждающие к анализу) касаются главным образом военных действий русских и их неторопливых союзников в Финляндии и на южном побережье Балтики от Риги до Зунда. Один из номеров этого периода принадлежит к жанру *прямого отчета* (так называемый отчет «из зала суда»).

В 1719—1721 гг. обостряются отношения между Россией и Великобританией вплоть до дипломатического разрыва и реальной угрозы со стороны последней уничтожить молодой русский флот на Балтике. Это дало новый толчок в развитии газеты. Резко увеличивается количество номеров, появляется много хроникальных сообщений и информации из иностранной периодики, чаще используется жанр *отчета* в оригинальных описаниях празднеств, дипломатических приемов и т. п. Во время разрыва с Англией появляется *фельетон* на международную тему в форме письма «некоторой персоны» к другу (1720. № 50), в котором делаются выпады против Швеции и Англии. Через 4 месяца публикуется на 23 страницах ответ друга «персоне», этот материал — уже в жанре аналитической *статьи* (опубликована отдельной брошюрой). Характерная черта данного периода: однотипность оригинальных сообщений (о спуске очередного корабля, приеме послов, слушании царем литургий, праздновании именин и торжественных дат) помогает в выработке словесного клише — *стандарта*, по которому и строятся информации с использованием синонимических конструкций и лексических синонимов. Часто встречается и негативная разновидность стандарта — *штамп* (в сообщениях меняются лишь цифры, даты или имена, остальной текст повторяется почти слово в слово). Но в то время, естественно, это воспринималось не как штамп, а как «образец» — собственно, из его структуры и развился стандарт за счет вариантности лексики и синтаксиса (им мы пользуемся и сегодня).

После события огромной важности — заключения Нилгадтского мира — газета переводится на «мирные рельсы» и заполняется обычно переводными хроникальными сообщениями, информацией и заметками. Оригинальные материалы появляются в 1722—1724 гг. всего в 8 номерах (если включить сюда и 4 выпуска Сенатской типографии об аудиенциях персидского посла). В феврале 1723 г. в форме библиографического обзора публикуется *памфлет* «Книги политические, которые продаются в Гаге», где приводятся переделанные или вымышленные названия книг. Материал был направлен против Франции, Англии, зарагивал Голландию, Швецию, Польшу, Испанию и др.

Во время царствования Екатерины I (1725—1727) в газету вновь приходят оригинальные сообщения, но они носят уже не общегосударственный характер, как при Петре I, а чисто придворный. Жанры русских публикации — заметка (кое-где с репортажным уклоном), отчет, реже — информация. В 1726 г. появляется *передовая статья* «Рефлексия, или рассуждение» о том, что после смерти Петра курс, взятый им, не изменился и Екатерина продолжает его дело. Номер этот, правда, в продаже не был.

Вот как в общих чертах формировалась система жанров русской периодики. Здесь мы применяли современную терминологию для того, чтобы проследить именно зарождение и становление жанров (и их элементов), которыми мы пользуемся по сей день

и которые получают дальнейшее развитие. Термины XVIII в. — «ведомости», «куранты», «письмо», «реляция» — не могут дать полного и ясного представления о газетных публикациях. На примере «Ведомостей» мы видим, как ведущую роль играл то один, то другой жанр, — в зависимости от целевой установки газеты в каждый конкретный период. Причем историческая закономерность такова, что элементы аналитических жанров не могли развиваться в газете, пока шведской армии не было нанесено сокрушительное поражение в Полтавской битве. Точно так же и жанр фельетона не мог появиться прежде разрыва с Англией и приобретения русскими господства на Балтике, а жанр памфлета обязан своим появлением тому факту, что Россия стала могущественным государством, против которого боялись открыто выступить столь сильные державы, как Англия, Франция, Австрийская империя.

Отметим еще один факт. Среди сохранившихся номеров газеты мы находим 2 «журнала»: «Диариуш, или Поденная записка» (1711) и «Журнал, или поденная записка о походе генерал-лейтенанта Лесиа» (1721). Они не относятся к специальным «журналам» — реляциям. Это и не предшественники русского журнала, здесь слово это употреблено в своем прямом значении: в переводе с французского оно значит «дневник», «ежедневная запись» или, как говорили в прошлом, «поденная записка». Данная форма публикаций газеты, как и «экстракты из писем», «трактаты о вечном мире» со Швецией и Персией, также указывает на связь с «летучей» периодикой, образцы которой проникли на Русь через заимствованный опыт. Но характерно, что первый номер (за 1711 г.) является самостоятельным выпуском, а последний напечатан уже в виде приложения к № 26 за 1721 г. Принцип «дневника», наблюдаемый нами в записках князя Б. И. Куракина, «Полодных журналах Петра Великого», в газете используется довольно часто: например, в сообщениях 1720 г. о бытности в Санкт-Петербурге польского посла Хоментовского, о морских прогулках царя. В первом случае материалы ближе к жанру отчета, а во втором — к путевым заметкам, так как Петр из столицы путешествует со свитой и иноземными послами в Петергоф, Кронштадт, Ораниенбаум и т. д.

Особого внимания заслуживает проблема публицистичности выступлений газеты, поскольку она (публицистичность) не исчезает в номерах, где собственно публицистические жанры отсутствуют. За счет чего же публицистическое начало ощущается во многих выпусках «Ведомостей»? Прежде всего благодаря подбору фактов. С иностранными источниками дело обстояло таким образом, что известия извлекались сразу из нескольких разных газет или ряда номеров одной газеты. Для печати отбиралась порой лишь десятая часть материала, а при переводе (или пересказе) она уменьшалась еще в два-четыре раза. То, что подбор фактов осуществлялся с классовых позиций в отношении оригинальных материалов, ясно а priori и подтверждается текстами. Например,

«Объявление о затмениях» от 16 апреля 1706 г. исследователи обычно относят к «расширенной читательского кругозора», не обращая внимания на странность и уникальность данного объявления. Оказывается, что незадолго до солнечного затмения, ожидавшегося 1 мая, Петр I писал военачальникам и Ф. А. Головину, редактировавшему «Ведомости», чтобы «о сем затмении поразславить в народе», потому что «когда люди про то наперед ведают, то уже не есть чудо».³⁴ Выходит, мы имеем дело не с простым информированием, а с воздействием, что по теории И. Тетелёвской относится к разряду публицистики

Заряд публицистичности содержат в петровской газете не только отдельные жанры, но и их совокупность; нередко материалы приобретают более важное звучание в окружении остальных материалов номера. Так, № 2 от 21 января 1707 г. заключает в себе несколько сообщений об измене польского короля Августа II и его встрече с Карлом XII. Между этими заметками вставлено письмо самого Августа, где он отрицает факт сепаратного мира со шведами, называет это «лжой и клеветой», уверяет в своей дружбе и проч. Комментария номер не содержит, хотя заметна явная попытка русской газеты в столкновении фактов показать истинное лицо предавшего союзника. Но, как мы отметили выше, аналитичность пришла в газету только после Полтавы.

В качестве примера интересен номер от 1 июля 1719 г.; он в сущности представляет собой единое публицистическое целое. Исследователи этого не учитывали, дробили его на самостоятельные, якобы не зависящие друг от друга части. Композиция этого выпуска такова: отчет о праздновании дня Петра и Павла в Петербурге, заметка о том, как сам Петр отпраздновал свои именины «при Ангутае», аннотация на книгу П. П. Шафирова «Рассуждение о Свейской войне», 9 заметок со всех концов России и в конце выпуска — 9 мелких информаций из-за рубежа, отделенных отбивкой от остального текста. Все историки печати отмечают публицистический характер речи митрополита Стефана Яворского и репортажность повествования в отчете о празднестве. Но публицистика не обрывается с окончанием пересказа проповеди. За описанием торжества, где «вся чувства насладилися», следуют слова: «Во оной торжественной радости не укоснили сюда и от его величества благие ведомости». После этого идет сообщение о том, как монарх отпраздновал именины у Гангуга. Автор данной публикации постепенно от фактов переходит к обобщениям, делая это довольно искусно. Далее, логически вытекая из предыдущего, закономерно продолжая сказанное автором, идет аннотация на книгу Шафирова. Однако анализ текста показывает, что это все-таки не аннотация, а всего лишь витата. Во-первых, основной корпус ее представляет собой полное название книги (очень про-

³⁴ Голиков И. И. Деяния Петра Великого. 2-е изд. М., 1837. Т. 2. С. 212; Терещенко А. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. СПб., 1837. Ч. 1—3. С. 210.

странное, что унаследовано от книги др. вчерусской) Во-вторых, заглавие книги окружено двумя-тремя предложениями, списанными практически слово в слово с начальных страниц произведения. Автор газетного материала умело переводит разговор на современные события, и после цитаты следует абзац о том, что «о протчих здесь древних и новых, благих духовних и мирских делах, слава богу, весьма видимо», затем — о том, что «купеческие и мануфактурные, и всякие рукодельные дела зело успевают». И далее — 9 русских информации, которые подобраны так тонко, с таким расчетом, что во всех сообщениях чувствуется продолжение разговора, если не о деяниях самого Петра, то о делах, им вдохновленных. Этому способствуют различные переходы, связывающие воедино текстовые части выпуска газеты, обобщения, переключение разговора из истории в современность. Автор номера неизвестен, но по стилю и некоторым другим данным им мог быть директор петербургской типографии М. П. Аврамов.

Таким образом, мы ощущаем иностранное (в том числе инославянское) влияние на «Ведомости», проявляющееся в газете как типе издания и как формирующейся системе жанров периодической литературы. В то же время заметна избирательность газеты в плане политическом, тематическом, жанровом в соответствии с запросами господствующего класса в конкретной ситуации. Желая добиться максимального воздействия на читателя, составители газеты публикуют материалы аналитического характера, публицистических жанров, а также порою верстают материал таким образом, что информационные жанры в определенной пропорции и последовательности составляют единое публицистическое целое строгой направленности и большого эмоционального заряда. В этом умении видна оригинальность и самобытность первопечатной русской газеты. По принципу преломления европейского барокко газета близка архитектуре Петровского времени — та же «относительная простота, утилитарность, деловитость, скромность декора»;³⁵ барочная аллегоричность за 3—4 года выветривается из гравюр-заставок «Ведомостей». Но в «интерьере» газеты (как и в петровской архитектуре) наблюдается большая сложность и пестрота — в языке, стиле, композиции материала.

Рост экономического и политического могущества России — самого крупного из славянских государств — несомненно повлиял на возникновение в августе 1718 г. польской газеты «Почта Крулевецка» в Кенигсберге (просуществовала до конца 1720 г.), а в феврале 1719 г. — газеты «Чешский почтальон» в Праге (выходила до 70-х гг. XVIII в.). Для польских ученых является загадкой появление газеты в Восточной Пруссии в то время, когда в Польше Северная война приглушила газетное дело с 1705 до 1729 г. Конечно, поляков Восточной Пруссии интересовала

³⁵ *Алешина Л. С.* Ленинград и окрестности. Справочник-путеводитель. М., 1980. С. VIII—IX.

прежде всего их собственная судьба, во многом зависевшая от русско-шведских мирных переговоров. Надежда на братскую помощь, чувство родства культур сыграли не последнюю роль в возникновении газеты неподалеку от России, которая стала уже диктовать свою волю европейским государствам. Подобные же чувства несомненно испытывали и в Чехии. Это усиливалось тем фактом, что в Праге с 1716 по 1721 г. находились русские переводчики, занимавшиеся переводом книг по праву, административному устройству государств, а также пытавшиеся с 1717 г. вербовать славян для работы в новых для России учреждениях — коллегиях. И польская, и чешская газеты были частными, тем не менее примечательно, что издание газеты владельцы мотивировали одинаково: народ не может обойтись без газеты на своем родном языке.